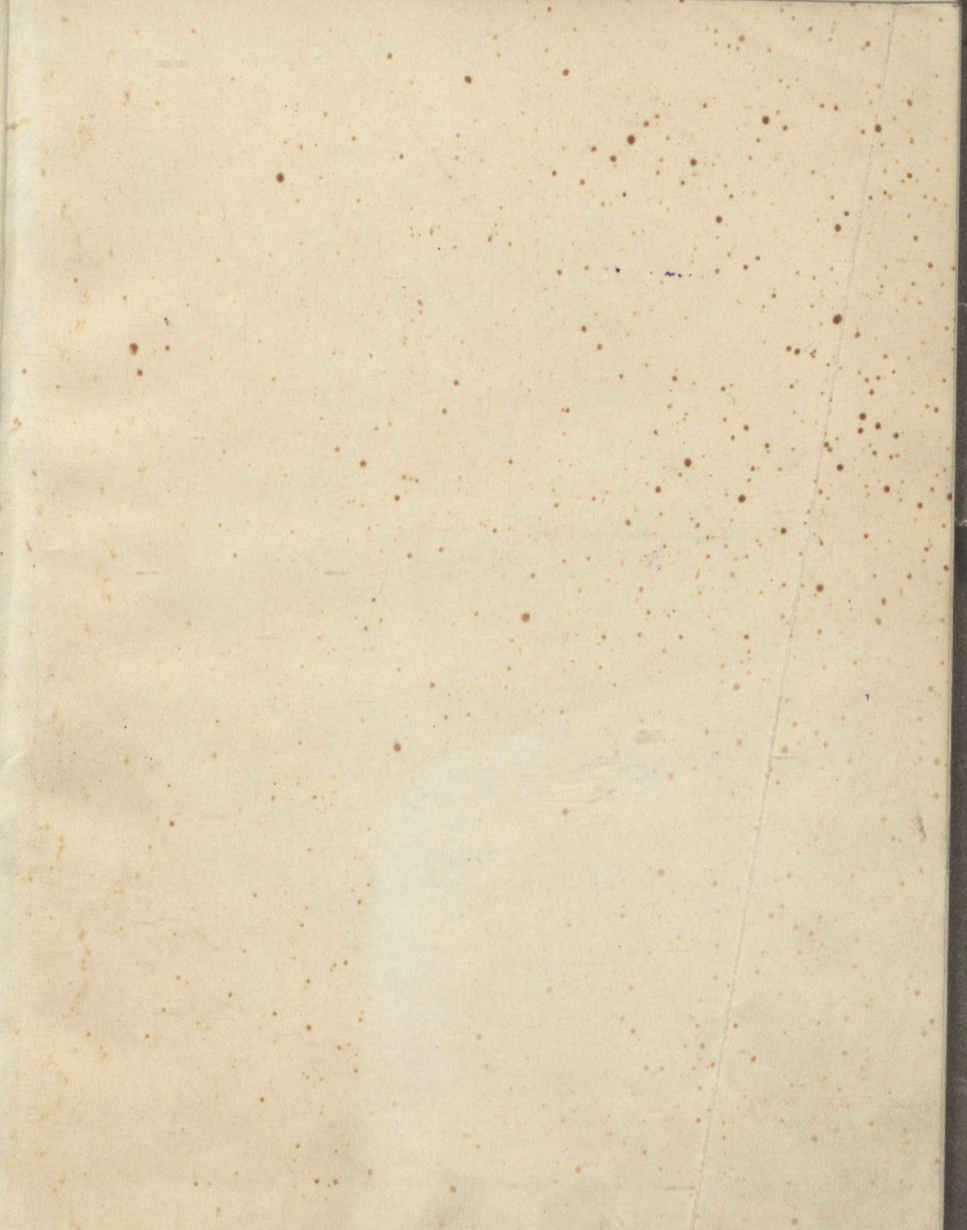

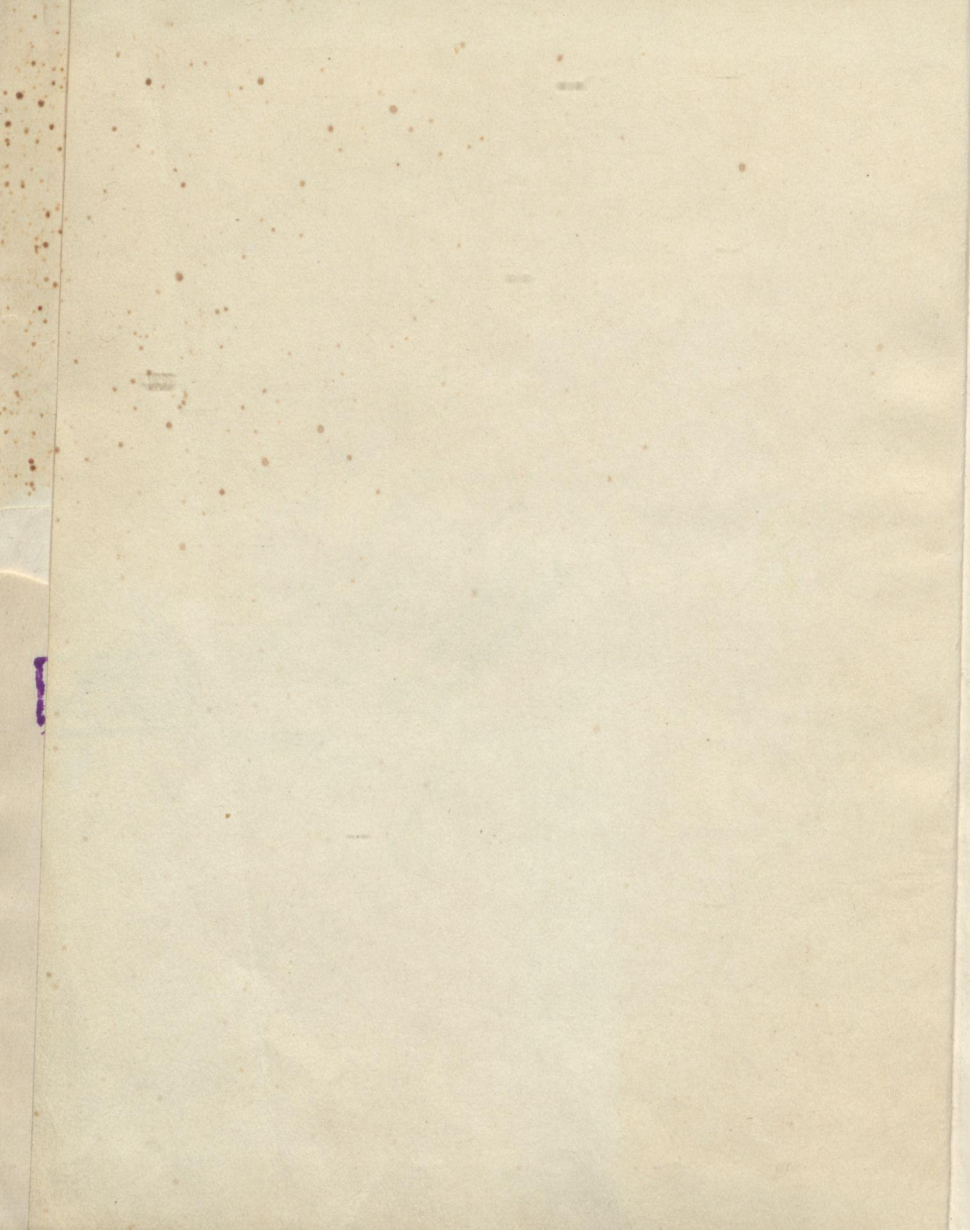
Муса Джалиль
**ИЗ
МОАБИТСКОЙ
ТЕТРАДИ**

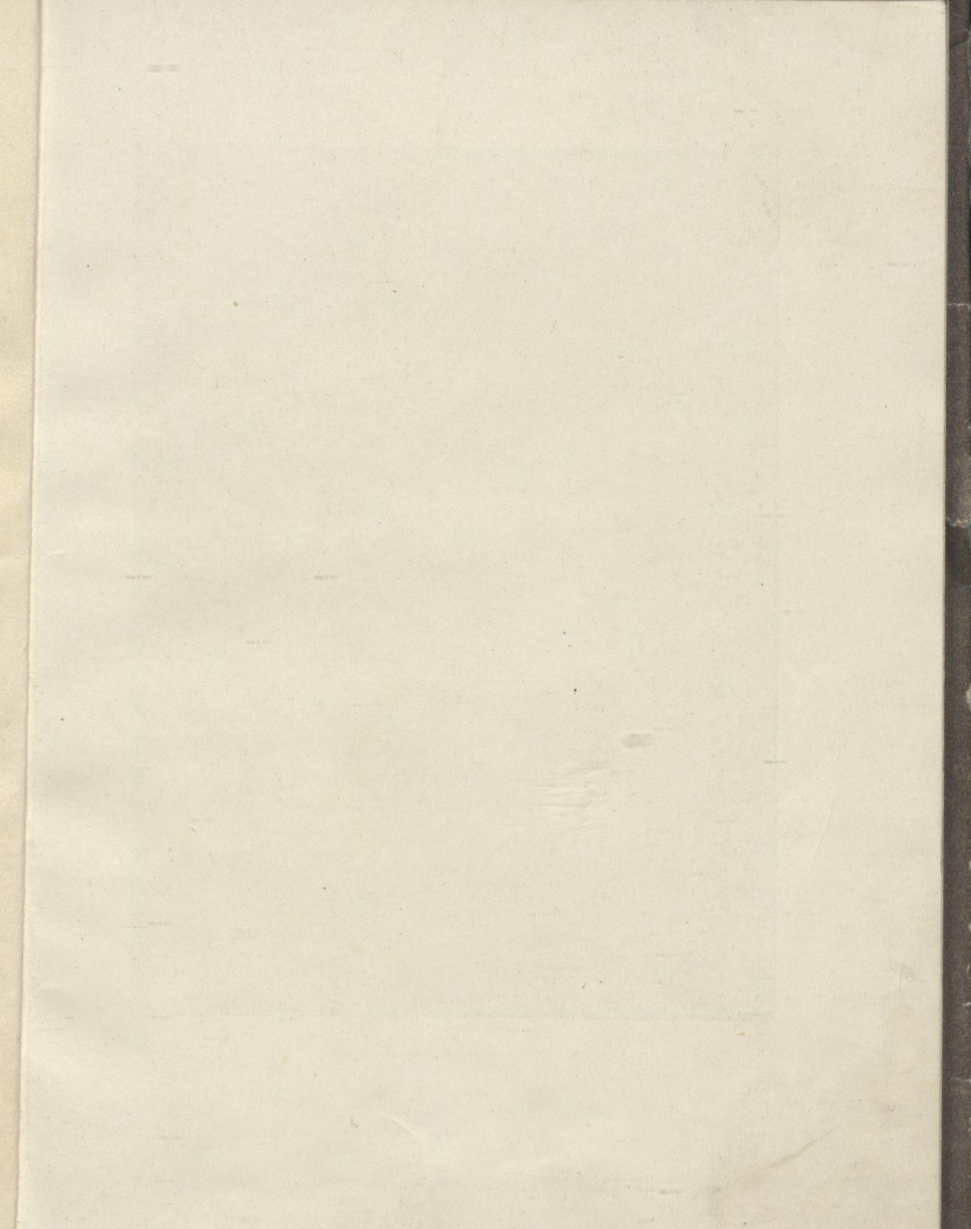
MINUTO-
EXPRESSIVE

201429

57

СТАТ.
240

МУСА ДЖАЛИЛЬ

ИЗ
МОАБИТСКОЙ
ТЕТРАДИ

Стихи

Перевод с татарского
под редакцией Степана Щипачева

Советский писатель

МОСКВА

1954

Совинт

60

201429

Д-40

№3
МОДЕРНИЗМ
ТЕРАПИИ

25/2/1988

1988

ПОЭТ-ГЕРОЙ

В январе 1944 года в берлинской тюрьме Моабит фашистскими палачами был убит советский поэт-коммунист Муса Джалиль. Гитлеровские наймиты тщательно скрывали от мира свои кровавые преступления, поэтому соотечественники, друзья и родные Муса Джалиля не сразу узнали о последних днях его жизни и его смерти. Великая победа советских войск над гитлеровской Германией освободила узников фашистских тюрем, среди которых были свободолюбивые сыны разных стран. Бельгийский партизан, освобожденный из Моабита, вернулся на родину, передал советскому консульству в Брюсселе небольшую записную книжку со стихами Мусы Джалиля и предсмертной запиской и рассказал о героической смерти поэта. Вот эта предсмертная записка:

«Другу, который знает читать по-татарски и прочтет эту тетрадку. Это написал известный татарскому народу поэт Муса Джалиль. Испытав все ужасы фашистского концлагеря, не покорившись страху 40 смертей, был привезен в Берлин. Здесь он был обвинен в участии в подпольной организации, в распространении советской пропаганды... и заключен в тюрьму. Его присудят к смертной казни. Он умрет. Но у него оста-

*

нётся 115 стихов, написанных в заточении. Он беспокоится за них... Если эта книжка попадет в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги их и после войны сообщи в Казань, выпусти их в свет как стихи погибшего поэта-татарского народа. Это — мое завещание. Муса Джалиль. 1943. Декабрь».

Через другие руки в Союз писателей Татарии дошла и вторая записная книжка поэта.

Последние стихи Мусы Джалиля, по выражению самого поэта «написанные на плахе», принесли великую правду о непоколебимой моральной силе советского человека. Они явились славным итогом жизненного и творческого пути большого советского поэта, поэта-коммуниста, поэта-борца.

Муса Мустафович Залилов (Муса Джалиль) родился 15 февраля 1906 года в селе Мустафино, Оренбургской губернии, в семье крестьянина. Семи лет он начал учиться в сельском медресе. Вскоре семья Залиловых переезжает в поисках счастья в Оренбург. Мусу отдают в медресе Хусаиния. Самый маленький ростом среди своих сверстников, он в то же время был и самым живым, смелым и способным. В годы революции двенадцатилетний Муса уже становится активным участником выступлений учеников за установление новых, революционных порядков в школе. В 1919 году он вступает в комсомол.

К этому периоду относится начало литературного творчества Джалиля. Первое стихотворение его было опубликовано в газете Туркестанского фронта «Красная звезда» в 1919 году. Юный поэт говорит о любви простых людей к свободной Советской отчизне и призывает рабочий люд к стойкой борьбе против белогвардейцев, полчища которых тогда окружили Оренбург:

Рабочий мой, вооружись, иди на битву,
Не сворачивай ты с великого пути,
Даже если придется умереть!

Пламенные стихи молодого поэта часто появляются на страницах газет, в литературных журналах, все больше привлекают внимание читателей своей страстностью, глубокой преданностью революционным идеям. Муса Джалиль в эти годы работает секретарем сельской комсомольской ячейки, в уездном комитете комсомола, участвует в борьбе против кулацких банд.

В 1925 году Джалиль выпускает первый сборник своих стихотворений и поэм «Мы идем!» В стихах поэта слышится могучая поступь молодой Советской республики, уверенно идущей вперед к новой жизни.

В 1929 году вышел второй сборник стихов Джалиля «Товарищу», а в 1934 — сборник стихов и поэм «Орденосные миллионы», посвященный комсомолу. Муса Джалиль глубже входит в основную тему всего своего дальнейшего творчества — воспекает человека советской эпохи, беззаветно преданного идеям Ленина—Сталина, верного делу народного счастья, священной любви к родине. В стихотворении «Письмо с Волги» встает перед нами образ старика колхозника, горячо радующегося успехам своего колхоза и строго оберегающего завоеванное счастье. В стихотворении «Песня рыбацки» показан образ трудолюбивой, бесстрашной в борьбе с врагами молодой рыбацки-колхозницы.

Поэма «Письмоносец», опубликованная в 1940 году, явилась большим творческим успехом Мусы Джалиля. Подлинно народная по языку и художественной яркости, поэма быстро завоевала популярность. В ней показана чистая любовь двух молодых сердец — колхозного письмоносца Тимербулата и

бригадирши Файруза, их яркая трудовая жизнь, радости и волнения.

Так Муса Джалиль совершенствует свое мастерство, становится любимым поэтом своего народа.

Все эти годы не прекращается общественно-политическая деятельность поэта. Он ведет большую работу в национальном бюро ЦК комсомола, редактирует центральные детские журналы на татарском языке, сотрудничает в газетах. Одновременно он повышает и свои знания: в 1931 году Муса Джалиль окончил литературный факультет МГУ.

Когда была организована татарская оперная студия при Московской государственной консерватории, Муса Джалиль становится руководителем литературной части ее. Свою скромную работу он выполняет с присущей ему ответственностью, смотрит на свою деятельность как на большое государственное дело. Он становится подлинным организатором и создателем репертуара нового оперного театра. Композиторы, либреттисты, создававшие первые татарские оперы, сплываются вокруг любимого поэта, получают от него непосредственную помощь, советы. Созданные самим Джалилем оперные либретто становятся образцом татарской советской оперной драматургии. Известно, что за оперу «Алтын чеч», написанную композитором Жигановым на либретто Джалиля, присуждена Сталинская премия II степени.

Позднее Муса Джалиль, являясь руководителем Союза советских писателей Татарии, ведет кипучую работу по организации литературной жизни, по мобилизации писателей на создание новых высококачественных художественных произведений, по повышению мастерства татарских писателей.

В годы Отечественной войны Муса Джалиль уходит на фронт с оружием в руках защищать социалистическую родину. Он, как политработник, пламенным словом и личным приме-

ром воодушевляет советских воинов на подвиги в жестоких боях против фашистских варваров. Он не перестает быть и поэтом, в перерывах между боями создает пламенные стихи, становящиеся сильным оружием в борьбе с врагами. Его книга «Письма из окопа», изданная во время войны, является одним из лучших образцов лирики военных лет.

И вот начинается та полоса в жизни Мусы Джалиля, о которой трудно рассказывать без волнения. Перестали приходить его письма родным и знакомым, перестали поступать в редакции газет и журналов его стихи, которых здесь всегда ждали с нетерпением. Джалиль пропал без вести. Как нелепо звучало это о поэте, о котором товарищи привыкли говорить: «человек-огонь». Да, не мог он пропасть без вести. И действительно, через несколько лет вернулся к нам Муса Джалиль, вернулся пламенной песней и сам рассказал о себе правду. Она такова:

В июне 1942 года, когда шли ожесточенные бои на одном из участков Волховского фронта, поэт был тяжело ранен и окружен врагами. Как орел, бился он с фашистами, как орел, хотел умереть в бою. «Отказался от слова, от последнего слова друг—пистолет» (стихотворение «Прости, родина»). И фашистским зверям удалось схватить истекающего кровью поэта.

Поэт-коммунист ни на минуту не допускает мысли о позорной сдаче врагу своих позиций и с первых же дней вступает в неравную жестокую борьбу с фашистскими палачами. Он организует подпольную группу, устраивает побеги советских военнопленных, неутомимой политической работой в тылу врага помогает разгрому его: «Мы должны быть сильнее смерти, — предупреждал он товарищей по подполью. — Наш долг — вырвать людей из пасти фашистского чудовища или погибнуть. Только так». Он продолжает бороться и испытан-

ным оружием — пером, — он пишет стихи, которые наизусть заучиваются товарищами по плену, передаются из уст в уста. Стихи поэта беспощадно разоблачают звериную сущность фашизма, прославляют героизм советских людей в борьбе за родину, за свободу и независимость, предсказывают гибель врагу и победу Советской родине.

Враг коварен. Через предателей ему удается узнать о деятельности Джалиля. И вот поэт заточен в одиночную камеру мрачайшего из кровавых застенков Моабитской тюрьмы в Берлине. Выносится приговор о казни Джалиля. Но и тогда не удается врагам сломить волю поэта к борьбе. Пройдут месяцы, прежде чем трусливый палач опустит занесенный над головой поэта кровавый топор, а дух поэта остается непокоренным, не умолкает его мужественный голос. Зная об ожидающей его смерти, он продолжал писать стихи, которыми будут восхищаться поколения, смело стоит против врага и бросает в лицо ему свою ненависть:

Наступит день. Сверкнет меч правосудья.
Собак черчетских сгинет злая тень.
Моя написанная кровью песня,
Будь актом обвинительным в тот день!

Поэт презирает приготовленную ему фашистскими варварами страшную смерть, он верит в победу народа, верит, что он и сам вечно будет жить в победившем народе:

Разве можно называть смертью
Такую смерть, когда умираешь победив?!

Две маленькие самодельные записные книжечки — свидетели и соучастники борьбы и страданий поэта. Они являются

не только отражением кристаллически чистой и безгранично стойкой души поэта, но и отличаются большой художественной силой.

Вечно будет жить в сердцах советских людей бессмертный образ Мусы Джалиля, верного сына нашей родины, выдающегося поэта-коммуниста, воспитанного великой Коммунистической партией Советского Союза. Творчество Мусы Джалиля составляет славную страницу многонациональной советской литературы.

Энвер Давыдов

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page. The text is arranged in several paragraphs and appears to be a formal document or letter.

МОИ ПЕСНИ

Песни, в душе я взрастил ваши всходы,
Ныне в отчизне цветите в тепле.
Сколько дано вам огня и свободы,
Столько дано вам прожить на земле!

Вам я поверил свое вдохновенье,
Жаркие чувства и слез чистоту.
Если умрете — умру я в забвенье,
Будете жить — с вами жизнь обрету.

В песне зажег я огонь, исполняя
Сердца приказ и народа приказ.
Друга лелеяла песня простая,
Песня врага побеждала не раз.

Низкие радости, мелкое счастье
Я отвергаю, над ними смеюсь.
Песня исполнена правды и страсти —
Тем, для чего я живу и борюсь.

Сердце с последним дыханием жизни
Выполнит звонкую клятву свою:

Песни всегда посвящал я отчизне,
Ныне отчизне я жизнь отдаю.

Пел я, весеннюю свежесть почуя,
Пел я, вступая за родину в бой.
Вот и последнюю песню пишу я,
Видя топор палача над собой.

Жить на свободе мне песня велела,
Песня борцом умереть мне велит.
Жизнь моя песней была, отзвенела,
Смерть моя песней борьбы прозвучит.

26 июня 1943

ЛЕС

Уж солнце скрылось,
а я все стою
С отяжелевшею душою
И, молча думу думая свою,
Гляжу на лес, что за межою.

Там, может, партизаны разожгли
Костер под вечер — пляшут ветки —
И «Дедушкины» смелые орлы
Сейчас вернулись из разведки...

Там на ночь, может быть, товарищ «Т»
Большое дело замышляет,
И чудится — я слышу в темноте,
Как, храбрый, саблю направляет...

Лес, лес, смотри, между тобой и мной
Кольцом железные ограды,
Но тело лишь в плену,
а разум мой,
Мой дух — не ведает преграды.

Свободный, он кружит в лесном краю,
Твои тропинки проверяет,
И лягу ль в ночь иль поутру встаю —
Меня твой голос призывает.

Лес, лес,
ты все зовешь меня, звеня,
Качаясь в сумраке сосновом,
И учишь песням ярости меня
И песням мщения суровым.

Лес, лес,
как доля тяжела моя,
Как низок этот плен позорный!
Скажи, где верные мои друзья,
Куда их спрятал, непокорный?

Лес, лес,
веди меня скорее к ним,
Оружье дай — отваги полный,
Умру, сразившись с недругом моим
И клятву чистую исполнив!

Июнь 1942

РАСТАВАНИЕ

Как трудно расставаться, если вновь
Ты знаешь, не дано встречаться.
Расстаться в час такой, когда любовь
И дружба — все твое богатство,

Когда любви и дружбы верной нить
Два чистых сердца так связала,
Что если б те сердца разъединить,
То смысла жизни бы не стало!

И в это время ветер злой судьбы
Тебя разлучит с другом близким —
И поцелуй последний не забыть
И слез — пылающие искры!

Друзей немало было у меня,
Я их любил, как милых братьев.
И вот один остался я, храня
Тепло их дружеских объятий.

Не знаю, на каких мне плыть волнах,
Какие ожидают грозы,
Но на увядших чувствовать щеках
Я вечно буду друга слезы.

Пришлось мне много в жизни испытать,
Не раз тоской я был охвачен.
Так дай, судьба, мне друга повидать,
С ним горячо целуясь, плача!

Горой давило горе эту грудь.
Судьба, прими ж во мне участие:
За годы горя дать мне не забудь
Минутного свиданья счастье!

Октябрь 1942

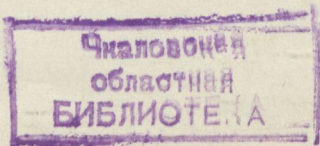
ГОРНАЯ РЕКА

Что взъярилась река?
Что так плещет волна?
Почему так стремится
Свои воды она?

Почему берега
В клочьях пены вокруг?
Не в испуге ль река?
Не взбесилась ли вдруг?

То спокойно течет,
Убежав из теснин,
И, к откосу прильнув,
Тихо шепчется с ним,

То, опять забурлив,
По ущелию мчит
И, летя по камням,
Бьет волной о гранит.

201429

Кто встревожил ее
У глухих берегов?
Отчего этот шум,
Этот вой, этот рев? . .

Я стоял у реки,
Не сдержался, спросил:
— Почему ты бурлишь
Изо всех своих сил?

И ответила мне:
— Я в неволе была.
Под горою, в земле,
Вечный холод и мгла.

Я томилась в плену,
Был стеснен мой разбег.
А теперь на земле
Я свободна навек.

Стал свободен и гнев
Накопившийся мой —
Он ревет, он бурлит,
Бьет о берег волной.

Я сильна и вольна,
Пеной дышит волна!
В даль прекрасную мчусь
Я, надежды полна.

Шлю я солнцу привет!
Я смеюсь над тюрьмой!
Оттого этот шум,
Этот рев, этот вой!

28 октября 1943

Где ж моя воля? Родные места?
Разве не раб я? Не сирота?
Были бы живы отец и мать,
Мне все равно бы их не видеть.
Я — одинокий.

Я — сирота.

Здесьним бездомным псам под стать...
Воля моя! Золотая моя!
Перелетная птица моя!
Куда улетела? В какие края?
А мне осталась темница моя...
В дни моей прежней свободы, друзья,
Волю ценил ли как следует я?
Тут, в каземате, при звоне замка,
Понял я, как свобода сладка!
Если обрадует душу судьба,
Если я сброшу оковы раба,
Воля моя! —

Одной лишь тебе
Силы отдам в священной борьбе.

Июль 1942

✓ **ПРОСТИ, РОДИНА** ✓

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою,
Прости за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою.

Кто посмеет сказать «измена»?
Кто хоть в чем-нибудь бросит упрек?
Волхов — свидетель: я не струсил,
Пылинку жизни моей не берег.

В содрогающемся под бомбами,
Обреченном на гибель кольце,
Видя смерть и предсмертные муки,
Я не изменился в лице,

Слезинки не выронил, понимая:
«Дороги отрезаны...»

Слышал я —
Беспощадная смерть считала
Секунды моего бытия.

Я не ждал ни спасенья, ни чуда, —
К смерти взывал: — Приди! Добей! .. —
Просил: — Избавь от жестокого рабства! —
Молил медлительную: — Скорей! ..

Не я ли писал спутнику жизни:
«Не беспокойся, — писал, — жена.
Последняя капля крови капнет —
На клятве моей не будет пятна...»

Не я ли стихом присягал и клялся,
Идя на кровавую войну:
«Смерть улыбку презренья увидит,
Когда последним дыханьем вздохну...»

О том, что твоя любовь, товарищ,
Смертный огонь гасила во мне,
Что родину и тебя любил я,
Кровью моей напишу на земле.

Еще о том, что буду спокоен,
Если за родину смерть приму.
Живой водой та клятва была бы
Сердцу смолкающему моему...

Судьба посмеялась надо мной:
Смерть обошла — прошла стороной.
Последний миг —

и выстрела нет!

Мне изменил
мой пистолет...

Скорпион себя убивает жалом,
Орел разбивается о скалу.
Разве орлом я не был,

чтобы
Умереть, как подобает орлу?

Поверь мне, родина, — был таким я:
Горела во мне орлиная страсть!
Уж я и крылья сложил, готовый
Камнем в бездну смерти упасть.

Что делать?

Отказался от слова,
От последнего слова друг — пистолет.
Враг мне сковал полумертвые руки,
Пыль замела мой кровавый след. . .

. . . Вновь заря над колючим забором.
Я жив, и поэзия не умерла:
Пламенем ненависти исходит
Раненое сердце орла.

Вновь заря над колючим забором,
Будто подняли знамя друзья!
Кровавой ненавистью краснеет
Душа полоненная моя!

Только одна у меня надежда —
На темную августовскую ночь:
Гнев к врагу и любовь к отчизне
Выйдут со мной из плена прочь!

Есть на друзей у меня надежда,
Сердце стремится

к одному:

В ваших рядах идти на битву
Дайте, товарищи, место ему!

Июль 1942

СОЛОВЕЙ И РОДНИК

Баллада

1

Чуть займется заря,
Чуть начнет целовать
Ширь полей, темный лес
И озерную гладь, —

Встрепенется от сна,
Бьет крылом соловей
И в притихшую даль
Смотрит с ветки своей.

Там воркует родник,
Птичка рвется к нему,
И тоскует родник
По дружку своему.

Птичка любит родник,
Птичку любит родник —
Чистой дружбы огонь
Между ними возник.

По утрам соловей
Появляется здесь —
Нежной радугой брызг
Омывается весь.

Ах, как рад соловей!
Ах, как счастлив родник!
Кто способен смотреть,
Не любуясь, на них?

2

Разбудила заря
Соловья, как всегда.
Встрепенулся, взглянул
И туда и сюда

И вспорхнул — полетел
К роднику поскорей,
Но сегодня дружка
Не узнал соловей.

Не смеется родник
Звонким смехом своим —
Он лежит недвижим,
Тяжким горем томим.

Ключевая струя
Замутилась, темна,
Будто гневом она
До предела полна.

Удивился тогда
И спросил соловей:
— Что случилось, мой друг? —
И ответил ручей:

— Нашей родины враг
Тут вчера проходил
И мою чистоту
Замутил, отравил.

Кровопийца, бандит,
Он трусливо бежит,
А за ним по пятам —
Наш отважный джигит.

Знает враг, что джигит
Пить захочет в бою,
Не удержится он,
Видя влагу мою.

Выпьет яда глоток,
И на месте убит,
И от мести уйдет
Кровопийца, бандит...

Друг! Что делать, скажи!
Верный путь укажи:
Как беду отвести?
Как героя спасти?

И, подумав, сказал
Роднику соловей:

— Не тревожься, — сказал, —
Не горюй, свет очей.

Коль захочет он пить
На твоём берегу,
Знаю, как поступить,
Жизнь ему сберегу!..

3

Прискакал богатырь
С верной клятвой в груди;
С автоматом в руках,
Он на запад глядит.

Больше жизни отчизна
Ему дорога.
Он желаньем горит
Уничтожить врага.

Он устал. Тяжелы
Боевые труды.
Ох, сейчас бы ему
Хоть бы каплю воды!

Вдруг родник перед ним.
Соскочил он с коня,
Обессилев от жажды,
От злого огня.

Устремился к воде —
Весь бы выпил родник!

Но защелкал, запел
Соловей в этот миг.

Рядом с воином сел,
Чтобы видел джигит.
И поет. Так поет,
Словно речь говорит.

И поет он о том,
Как могуча любовь,
И поет он о том,
Как волнуется кровь.

Гордой жизни бойца
Он хвалу воздает —
Он о смерти поет,
Он о славе поет.

Сердцу друга хвалу
Воздает соловей,
Потому что любовь
Даже смерти сильнее.

Славит верность сердец,
Славит дружбу сердец.
Сколько страсти вложил
В эту песню певец!

Но хоть песне внимал
Чутким сердцем джигит,
Он не понял, о чем
Соловей говорит.

Он прилег у воды,
Предвкушая глоток,
На иссохших губах
Ощутил холодок.

К воспаленному рту
Птица прынула вмиг,
Каплю выпила ту
И упала в родник...

Счастлив был соловей —
Как герой умирал:
Клятву чести сдержал,
Друг его обнимал.

Вдруг взревела вода
И ушла без следа,
Лишь чернеет одно
Каменистое дно.

Молодой богатырь
По-над руслом пустым
Постоял, изумлен
Дивным дивом таким.

Вновь джигит на коне,
Шарит стремя нога,
Жаждет битвы душа,
Ищет сабля врага.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Проводила его я в далекий поход,
Солнце сердца доверила людям.
Проводила его я в далекий поход,
Пусть любовь ему спутницей будет.

Горько было прощаться мне с милым моим,
Заменить это солнце ведь нечем.
Горько было прощаться мне с милым моим,
Но зато как сладка будет встреча!

Для него всех подарков дороже любовь,
То, что жду и люблю его свято...
Для меня всех подарков дороже любовь,
Жизнь его и отвага солдата.

Июнь 1942

Все — как снег, она одна,
Словно кровь, была красна.
Вся поляна к ней теснилась.
— Почему ты изменилась?

Где взяла ты этот цвет? —
А подружка им в ответ:
— Вот какое вышло дело.
Ночью битва здесь кипела,

И плечо в плечо со мной
Тут лежал боец-герой.
Он с врагами стал сражаться,
Он один, а их пятнадцать.

Он их бил, не отступил,
Только утром ранен был.
Кровь из раны заструилась,
Я в крови его умылась.

Он ушел, его здесь нет —
Мне одной встречать рассвет.
И теперь, по нем горяя,
Как Чулпан-звезда¹ горю я.

Июль 1942

¹ Утренняя звезда.

И не влетай!

Как здесь в крови и прахе
Сгораем мы, ты видишь по утрам.

Но пой нам, пой, хотя б через ограду —
Вот через эту, проклятую, — пой!
Ведь даже в том для нас уже отрада,
Что душу напоишь нам песней той.

Ты, может, в край мой полетишь прекрасный —
В свободных крыльях столько быстроты!
Но лишь скажи мне: не в последний раз ли
Ко мне, певунья, прилетаешь ты?

Коль это так, то слушай, непоседа,
Последнюю мечту моей души:
Лети в отчизну!

Пленного поэта
Любви и гнева песнею спеши!

По песне-зорьке и по крыльям-стрелам
Тебя легко узнает мой народ
И скажет:

«Это, погибая, пел он,
Из битвы песнь последнюю он шлет».

И скажет:

«Хоть колючие оковы
Смогли поэта по рукам связать, —
Но нет еще таких оков суровых,
Чтоб думы сердца жгучего сковать!»

Лети же, пташка, песней полнокровной,
В которой сила прежняя звучит.
Пусть плоть моя останется тут — что в ней? —
Но сердце пусть на родину летит!

Август 1942

✓ НАБОЛЕВШИЕ МЫСЛИ

Наверно, по-дурачки я умру:
Меня прикончат стужа, голод, вши.
Как нищая старуха, я умру,
Замерзнув на нетопленной печи.

Мечтал я по-солдатски умереть
В разгуле ураганного огня.
Но нет! Как лампа, синим огоньком
Мерцаю, тлею... Миг — и нет меня.

Напрасны были замыслы мои.
На что надеялся? К чему стремился я?
Напрасно я писал: «Умру, смеясь...»
Нет! Умирать не хочется, друзья!

Уж так ли много дел я совершил?
Уж так ли много я на свете жил?
Ох, если б дальше жизнь моя пошла,
Прошла б она полезней, чем была.

Я прежде и не думал, не гадал,
Что сердце может рваться на куски,
Такого гнева за собой не знал,
Не знал такой любви, такой тоски.

Я лишь теперь почувствовал вполне,
Что может сердце так пылать во мне —
Не мог его я родине отдать.
Ах, как обидно это сознавать!

Не страшно знать, что смерть к тебе идет,
Коль умираешь ты за свой народ!
Но смерть от голода. . . Нет, нет, друзья,
Позорной смерти не желаю я.

Я жить хочу, чтоб родине отдать
Последний сердца движущий толчок,
Чтоб я, и умирая, мог сказать,
Что умираю за отчизну-мать.

Сентябрь 1942

РАБ

Как веревку, скрутил его страх —
Он не выстоял в жарком бою,
Поднял руки: бери меня, враг!
И винтовку отбросил свою.

Враг, беснуясь, напал на него,
Руки за спину вмиг закрутил,
Словно клячу, навьючил его
И бичами погнал его в тыл.

Вот идет он в крови от бича,
Рвутся жилы под вьюком врага.
Был он строен и прям, как свеча, —
Стало тело его, как дуга.

В этот миг, еле-еле дыша,
Перестал человеком он быть:
Руки, ноги и даже душа —
Все хозяину стало служить.

СЧАСТЬЕ

Былые невзгоды,
И беды, и горе
Промчатся, как воды,
Забудутся вскоре.

Настала минута,
Лучи засияли —
И кажется, будто
Не знал ты печали.

Но ввек не остудишь
Под ветром ненастья,
Но ввек не забудешь
Прошедшего счастья.

Живете вы снова,
И нет вам забвенья,
О счастья людского
Часы и мгновенья!

Сентябрь 1942

ПРАЗДНИК МАТЕРИ

— Как вольных птиц над степью на рассвете,
Трех сыновей пустила я в полет.
Как матери, как близкой, мне ответьте,
Как женщине, что слезы льет:

Где сыновья мои? В душе тревога,
Мать хочет знать, на то она и мать:
Какая детям суждена дорога?
Победы или смерти ждать?

Летит под облаками голубь с юга,
Он к матери садится на порог.
— Ты видел их? Прошу тебя, как друга,
Подай мне весть, мой голубок!

Где старший мой? Где сердца утешенье?
Он жив ли? Помощь надобна ль ему?
— О мать, крепись: твой старший пал
в сраженье,
Твой старший сын погиб в Крыму.

Застыла мать. Какая боль во взоре!
Как ей излить в слезах печаль свою!

И голову посеребрило горё
По сыну, павшему в бою.

— Как вольных птиц над степью на рассвете,
Отправила в полет я трех детей.
Как матери, как близкой, мне ответьте.
Измучившись, я жду вестей.

Мой старший не пришел, он гибель встретил,
Он пал в бою, очей родимых свет.
Быть может, средний жив? Быть может, ветер
Принес мне от него привет?

Шумит, играет ветер на пороге,
О чем он шепчет матери седой?
— Скажи мне, ветер, на твоей дороге
Мой средний встретился с тобой?

— О мать, крепись, в сраженье пал твой средний,
Для матери не смог себя сберечь.
Пока не смолк в груди удар последний,
Держал в руке алмазный меч.

В беспамятстве упала мать седая,
Не выдержало сердце, а слеза
Катилась за слезой, не высыхая.
Ослепли старые глаза.

— Как вольных птиц над степью на рассвете,
Трех сыновей пустила я летать.
Как женщине, как близкой, мне ответьте,
Не то сгорит от горя мать.

Погибли на войне два милых сына,
Живу теперь надеждою одной:
Пусть не примчатся трое воедино,
Вернется ль младший сын домой?

Но почему-то голубок не вьется
И ветер приумолк, наверно спит.
Лишь на опушке эхо раздается
Трубы и топота копыт.

Звенят подковы, скачет конь горячий,
Пылает сердце матери в огне —
Сынок — любимый самый, самый младший —
Сидит на гордом скакуне!

В его руках — победы нашей знамя
И золотая на груди медаль,
И лес его приветствует ветвями,
И пенем — солнечная даль.

Она душой почувяла, узнала,
Хотя увидеть сына не могла.
Сказала: — Сын мой! — зарыдала,
Была слеза ее светла.

— Вернулся мой последний, мой единый,
Нам встретиться, сыночек, довелось! .. —
И льются золотые слезы сына
На серебро ее волос.

— Ну, успокойся, мать, прошли напасти,
На сына посмотри, не надо слез!

На боевом клинке — победы счастье,
И жизнь я родине принес.

Два старших брата пали в битве правой,
Пути к победе начертав для нас,
Но сделалась их жизнь бессмертной славой,
Когда настал их смертный час.

Я их зарыл в земле, весенней, талой,
Там, далеко, лежат твои сыны,
Но я принес их крови отсвет алый
На славном знамени страны!

И мать глаза протерла стягом красным,
И зренью к ней вернулось наконец,
На младшего взглянула взором ясным:
Стал сильным соколом птенец!

— Как вольных птиц, на бой благословляя,
Я трех детей в полет пустила, вдаль.
Придите! Всех зову я, как родная,
Как мать, познавшая печаль.

Они любовь к отчизне с колыбели
Всосали вместе с молоком моим.
Я соколов пустила — полетели
С единой думой: «Победим!»

Нет, не вернулись, мы двоих не встретим,
Без всадников их кони ржут в пыли.
Ту кровь, что я дала бесстрашным детям,
Они оставили вдали.

Заря победы светится над нами
Их кровью, за отчизну пролитой.
Мой младший сын зарю принес, как знамя, —
Мой сын, мой сокол молодой!

Его медаль я вижу золотую
И говорю: «Ты счастье мне даешь!»
Сдается — двух сынов целую,
Когда приходит молодежь.

Мне, как дитя родное, дорог каждый:
Мое не расплескалось молоко!
Горюю раз, а радуюсь я дважды.
Друзья поют, и мне легко.

Я сыновей взрастила, что бессмертье,
Погибнув, принесли своей стране.
Я с вами праздник праздную, поверьте.
Придите к матери, ко мне!

И стар и млад приходят к ней с участием,
Цветы, любовь несут в ее жилье.
Стремится родина цветущим счастьем
От горя исцелить ее.

Мы будем вечно прославлять
Ту женщину, чье имя — Мать.

Сентябрь 1943

✓ **ПОСЛЕДНЯЯ ОБИДА**

С обидой я из жизни ухожу,
Проклятья рвутся из души моей.
Напрасно, мать, растила ты меня,
Напрасно изливала свет очей.

Зачем твое глотал я молоко?
Зачем ты песню пела надо мной?
Проклятьем обернулась эта песнь!
Свою судьбу я проклял всей душой.

Ответь мне, жизнь: пока хватило сил,
Кто все твои мученья выносил?
Не я ли столько горя перенес,
Пока в моих глазах хватало слез?

Любая тварь вольна нырять и плыть,
Когда захочет жажду утолить.
А мне на смертном ложе не судьба
Запекшиеся губы увлажнить!

Не знал я дружбы. . . Мне сжимали руки
Оковы — не пожатия друзей.

А солнце? . . В миг моей предсмертной муки
Ты отказало в теплоте лучей.

Пускай умру, но как перед концом
Я не увижу дочери моей?
Как умереть и не припасть лицом
К родной земле, к могиле матери моей?

Зачем в тюрьме я должен умирать,
Своею кровью нары облагрить?
Уж не за то ль, что землю так любил,
Ее тепла совсем лишен я был?

О жизнь! А я-то думал — ты Лейла.
Любил чистосердечно, как Меджнун, —
Ты сердца моего не приняла
И псам на растерзанье отдала.

От матери-отчизны отлучен,
В какую даль заброшен я тобой!
Я горько плачу, но моим слезам
Не оросить земли моей родной.

Отчизна! Безутешным сиротой
Я умираю тут, в стране чужой.
Пусть горьких слез бежит к тебе поток!
Пусть кровь моя зардеет, как цветок!

Октябрь 1943

РУБАШКА

Дильбар поет, — она рубашку шьет,
Серебряной иглой рубашку шьет.
Куда там песня — ветер не дойдет
Туда, где милый ту рубашку ждет.

Бежит по шелку девичья рука.
На девичье лицо тоска легла.
Сердечной тайны шелковый узор
Кладет в следы проворная игла.

Атласом оторочен воротник,
И позумент на рукавах, как жар.
Как будто все сердечное тепло
Простой рубашке отдает Дильбар.

В любом узоре слез не сосчитать,
За каждой складкой прячется тоска, —
Пусть носит тайну девичью джигит
У сердца, возле левого соска.

Дильбар поет, — она рубашку шьет:
Пускай рубашка милого найдет,
Пускай ее наденет удалец,
С победою вернувшись наконец.

Рубашка сшита. Может быть, вот тут
Еще один узор и бахрома.
Глядит Дильбар с улыбкой на шитье,
Глядит и восхищается сама.

Вдруг заглянул закат в ее окно
И на шелку зарделся горячо,
И кажется Дильбар, что сквозь рукав
Просвечивает смуглое плечо. . .

Но тут вошел какой-то человек,
Вручил письмо и сразу убежал.
Две строчки на листочке:

«Твой джигит

На поле битвы мужественно пал».

Стоит Дильбар, стоит, окаменев.
Ее лицо белее полотна,
Лишь часто-часто задышала грудь,
Как на ветру озерная волна.

— Нет, — говорит, — не верю, — говорит. —
И замолчала, тяжело вздохнув,
Лишь две слезинки показались вдруг,
На бахrome ресниц ее блеснув.

Затем рубашку тщательно свернув,
Дильбар идет, торопится, бежит.
В почтовом отделении она:
— Отправьте мой подарок, — говорит.
— Но он погиб!

Не может получить...
— Пускай погиб! Везите, все равно.
Пускай убит, пускай землей прикрыт,
Наденьте мой подарок на него...

В моей рубашке оживет джигит —
Сердечный жар в нем должен запыхать.
Ведь я его любила всей душой,
Не уставала ждать и тосковать.

На почте люди слушали Дильбар
И согласились: девушка права.
Его нашли, одели —
он воскрес.

Сбылись любви правдивые слова.

Восходит солнце. У окна Дильбар
Волнуется, возлюбленного ждет.
Джигит вернулся, ясный, как восход,
И в голубой рубашке к ней идет.

Ведь это сказка?

Да,

но ты скажи,

Любовь моя, цветок моей души, —

Не ты ль меня зажгла лучом любви,
Как будто приказала мне: «Живи!»

Плясала смерть передо мной сто раз
На бруствере окопа моего.
Чистейшая любовь твоя сто раз
Меня спасла от гроба моего,

От ста смертей спасла. Из ста смертей
Сто раз я к жизни возвращался вновь
И вновь в рубашке, вышитой тобой,
Встречал твою горячую любовь.

Октябрь 1943

СНЕЖНАЯ ДЕВУШКА

В сияющий день на исходе зимы,
Когда оседает подточенный влагой
Рыхлеющий снег, от рассвета до тьмы
На горке Серебряной шумной ватагой
Крестьянские дети играли в снежки.
В тумане алмазной сверкающей пыли
Они кувыркались, ловки и легки,
Потом они снежную деву слепили.
Стемнело. Морозило. В твердой коре
Застыли сугробы, дремотой объаты.
И, девушку бросив одну на горе,
По светлым домам разбежались ребята.

А ночью повеяло с юга теплом.
И ветер, лаская дыханием влажным,
Нашептывал девушке сказку о том,
Как много прекрасного в солнце отважном:
«Ты солнца не знаешь. Могуч и велик
Наш витязь блистающий, с огненным телом.
Глаза ослепляет пылающий лик,
И землю он жжет своим пламенем белым!»

Но девушка только смеялась: «К чему
Мне солнце твое и весна молодая?
Я ваших страстей никогда не пойму —
Из белого снега, из синего льда я,
И в сердце холодном не сыщешь огня.
Дружу я с морозом и с ветром студеным,
А с солнцем простой разговор у меня:
Захочет — само пусть приходит с поклоном!»

Светало. За лесом горел небосвод.
Могучее солнце взошло на пригорок,
Красавицу снежную манит, зовет.
Дарит ей лучей ослепительный ворох.
И девушка вздрогнула. Ранней зарей
В ней душу весна пробудила впервые. . .
Любовь задает нам загадки порой,
И жар ее плавит сердца ледяные.

И снежная девушка к речке плывет,
Влюбленная в солнце, совсем как живая,
Туда, где под ветром ломается лед
И льдины грохочут, друг друга сжимая.

И солнце пленилось ее красотой!
И, сняв ледяное ее покрывало,
В объятиях сжало рукой золотой
И снежную девушку поцеловало!

Ее опалило волшебным огнем. . .
Охвачена неодолимым порывом
И вся растворяясь в любимом своем,
Она зажурчала ручьем говорливым,

Прозрачные капли блестят на лице —
То слезы любви. Не узнать недотроги!
Где гордая девушка в снежном венце?
Где сердце, что было так чуждо тревоге?

В объятьях любимого тает она,
Течет, и поет, и горит, и сжигает,
Пока не затихла, как моря волна,
Когда она берега вдруг достигает.

Лишь в землю последняя слезка ушла...
Где снежная девушка с песней бежала, —
Там выросла роза, как солнце светла,
Как солнце, горящая пламенем алым.

Любовь, так и ты разливайся, горя...
Мы с милой сольемся, как вешние воды,
Чтоб там, где любил я, где жил я все годы,
Багряные розы цвели, как заря!

4 декабря 1943

К ДВИНЕ

Двина! Где взять мне силы, чтобы вспять
Твое теченье плавное погнать,
Чтоб я, твоей окутанный волной,
Был унесен на родину, домой?

На гребень бурь всегда стремился я
Плечом раздвинуть грозовой простор.
Зачем же в рабстве гаснет жизнь моя?
И вынесу ли я такой позор?

О, если бы не только твой поток,
Но жизнь мою поворотить я мог, —
Я б, не колеблясь, повернул ее,
Чтоб снова петь отечество мое.

Нет! Я бы там не только песни пел.
Нет! Я бы там пловцом отважным был,
Все трудности бы я перетерпел,
Отдав труду ума и сердца пыл.

На родине и смерть была б легка:
Своя земля укрыла бы, как мать,
И песня у надгробья моего
Осталась бы, как памятник, стоять.

Моя душа не мирится с ярмом.
Одна лишь дума голову гнетет:
«Возьми меня, неси меня, Двина,
В объятиях быстробегущих вод!..»

Быть может, утешенье я найду,
Качаясь на седых твоих волнах,
И мой народ любовь мою поймет,
Увидев возвращающийся прах...

Двина, Двина!

О, если б только вспять
Твое течение гордое погнать, —
Ты принесла б на родину мою
Меня и песнь свободную мою.

Октябрь 1943

БЕЗ НОГИ

Вернулся я! Встречай, любовь моя!
Порадуйся, пускай безногий я:
Перед врагом колен не преклонял,
Он ногу мне за это оторвал.

Ударил миной, наземь повалил.
— Ты поклонился! — враг торжествовал.
Но тотчас дикий страх его сковал:
Я без ноги поднялся и стоял.

За кровь мою разгневалась земля.
Вокруг в слезах склонились тополя,
И мать-земля упасть мне не дала,
А под руку взяла и повела.

И раненный, любой из нас — таков:
Один против пятнадцати врагов.
Пусть этот без руки, тот — без ноги,
Наш дух не сломят подлые враги.

Вернулся я! Встречай, любовь моя!
Не огорчайся, что безногий я,
Зато чисты душа моя и честь,
А человек — не в этом ли он весь?

Октябрь 1943

* * *

Душа порой бывает очень твердой.
Зловещий ветер смерти хоть жесток,
Цветок души не шевельнется, гордый,
Не дрогнет даже слабый лепесток.

Нет скорби на твоём лице ни тени,
Нет в строгих мыслях суеты мирской.
Писать, писать — одно тогда стремленье
Владеет ослабевшею рукой.

Беситесь, убивайте, — страха нету.
Пусть ты в неволе, но вольна душа.
Лишь клочок бумаги чистой бы поэту,
Огрызок бы ему карандаша.

Ноябрь 1943

ПАЛАЧ

Нет, врешь, палач, не встану на колени,
Хоть брось в застенок, хоть продай в рабы!
Умру я стоя, не прося прощенья,
Хоть голову мне топором руби!

Жалею, что таких, как ты, уродов
Не тысячу, лишь сотню истребил.
За это бы

у своего народа
Прощенья на коленях я просил.

Ноябрь 1943

МОЙ ПОДАРОК ✓

Моему бельгийскому другу Андре¹
с которым познакомился в неволе.

Когда б вернуть те дни, что проводил
Среди цветов, в кипенье бурной жизни,
Дружище мой, тебе б я подарил
Чудесные цветы моей отчизны.

Но ничего тут из бывшего нет —
Ни сада, ни жилья, ни даже воли.
Здесь и цветы — увядший пустоцвет,
Здесь и земля у палачей в неволе.

Лишь, не запятнанное мыслью злой,
Есть сердце у меня с порывом жарким.
Пусть песня сердца, как цветы весной,
И будет от меня тебе подарок.

¹ Бельгийский партизан, доставивший в советское кон-
сульство в Брюсселе одну из записных книжек поэта.

Коль сам умру, так песня не умрет,
Она, звеня, свою сослужит службу,
Поведав родине, как здесь цветет
В плененных душах цвет прекрасной
дружбы.

(Дата неизвестна)

ОДИН СОВЕТ
(О ЧЕЛОВЕЧНОСТИ)

Людей-слонов нередко я встречал,
Дивился их чудовищным телам.
Но я за человека признавал
Лишь человека по его делам.

Вот, говорят, силач — железо гнет,
Вода проступит там, где он пройдет.
Но будь ты слон, а я не признаю,
Коль дел твоих — по горло воробью.

Пускай на всем, что совершаешь ты,
Проступит след душевной чистоты:
Ведь сила не во внешности твоей,
А только в человечности твоей.

В твоих делах проявится сама
И справедливость твоего ума
И то, что сильным сердцем наделен,
Что ты любовью к родине силен.

Жить бесполезно — лучше уж не жить:
На ровном месте кочкою служить.
Свети потомкам нашим, как маяк.
Свети, как человек, а не светляк!

Железо не ржавеет от труда,
И глина обожженная тверда,
Оценит мужа по делам народ
И затоптать не даст его следа.

Декабрь 1943

МЕЧТА

Неволя, истомила ты меня,
Не отличаю дня от ночи.
Мою надежду, сердца страсть
Темница тягостная точит.

Сырой и мрачный этот каземат
Мне горе, кашель дал упорный.
Я к двери подойду — дверь под замком,
Окно — в крестах решетки черной.

Ждет виселица каждый день меня,
Я к ней все ближе с каждым утром.
Вся жизнь моя отныне — лишь в мечте,
Отрада — в сне, тяжелом, смутном.

И редко сквозь решетку луч зари
Пройдет сюда с теплом, с участием.
Тогда мне кажется: ко мне пришло,
Платком накрывшись алым, счастье.

И кажется: любимая меня
Целует с пламенной силой,
Вот-вот возьмет меня и поведет
На торжество свободы милой

И скажет: — Не напрасно ждал,
Тюрьмою и тоской окован.
Я принесла тебе свободу, жизнь,
Зарей зажглась в сиянье новом...

Мечта, мечта! Как сладостно с тобой!
Ко мне приходишь ты сквозь камни.
Что б делал я в темнице без тебя?
Хоть ты со мной! Ты так нужна мне!

Я знаю: с жизнью и мечта уйдет.
Зато с победою и счастьем
Она зарей взойдет в моей стране —
Сдержат зарю никто не властен!

Ноябрь 1943

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В мае опять соберутся друзья —
Радостный будет сбор.
Звучно ударится о хрусталь
Алой дугой струя.
И перебьет застольный хор
Смех, словно шум ручья.
Это о девушках говорится,
О баловницах, конечно;
Ловко умеют они притвориться,
Будто целуют нежно
Ваших бровей края!
Будут свободны чьи-то места,
Кто-то не сможет быть.
Надо в честь погибших друзей
Первый бокал налить.
После таких тяжелых дней
Нам еще жить да жить!
Мы, захмелев чуть-чуть от встречи,
Стулья свои отодвинем,
Встанем, друзья, и, расправив плечи,
Радостный пир покинем.

Пойдем туда, где кровь лилась.
К разрушенным городам!
Где на дорогах печалят глаз
Пятна фугасных ям.
Пусть в тумане рассветной поры
Тракторы загудят!
Пусть играют в лучах топоры!
Пусть хлеба шелестят!
Пусть на улицах городов
Дом за домом встает!
Пусть после боя от наших трудов
Родина вся цветет!

Октябрь 1943

НЕ ВЕРЬ!

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: — Устал он, отстал он,
упал он, —

Не верь, дорогая!

Слово такое

Не скажут друзья, если верят в меня.

Кровью со знамени клятва зовет:

Держит она меня, движет вперед.

Так вправе ли я устать и отстать?

Так вправе ли я упасть и не встать?

Коль обо мне тебе весть принесут,

Скажут: — Изменник он!

Родину предал... —

Не верь, дорогая!

Слово такое

Не скажут друзья, если любят меня.

Я взял автомат и пошел воевать,

В бой — за тебя и за родину-мать.

Тебе изменить? И отчизне моей?

Да что же останется в жизни моей?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: — Погиб он.

Муса уже мертвый. . . —

Не верь, дорогая!

Слово такое

Не скажут друзья, если любят тебя.
Холодное тело засыплет земля, —
Песнь огневую засыпать нельзя!
Умри, побеждая, и кто мертвецом
Тебя назовет, если был ты борцом?!

20 ноября 1943

ЦВЕТЫ

Ребята, на луга быстрей,
Играйте, смейтесь в сочных травах!
Развеселите матерей,
Развейте боль свою в забавах!

Цветы повсюду разрослись,
Душисты, яркие, сердцу любы.
Пылает мак, блестит нарцисс,
Они свежи, как ваши губы.

Они под солнцем расцвели,
Их нежит ветер на рассвете, —
То нашей матери-земли
Любимые, родные дети.

Война была в родном краю,
Пожары были и метели.
Горели воины в бою,
Деревни, города горели.

Была за родину война,
Земля взрастила нас борцами,

И та земля напоена
И кровью нашей, и слезами.

В крови, в слезах мы шли вперед,
И победило наше дело.
Весна пришла, весна цветет
И землю в пышный цвет одела.

И в сердце раненом земли
Победы вижу я цветенье,
В цветах услышать мы смогли
Родной земли сердцебиенье.

Цветы земли, цветы весны —
Резвитесь, дети, смейтесь, дети!
Вы — счастье, торжество страны
И вести о ее расцвете!

Быть может, брат ваш иль отец
Погиб во имя вашей воли,
Но вспоминал о вас боец
В последний миг на ратном поле.

Ласкайте вы цветы нежней,
Дышите, дети, вешней новью,
Дарит вам радость мирных дней
Земля, напитанная кровью.

Вы — дети матери-земли,
Вам доля трудная досталась,
На той земле вы расцвели,
Что нашей кровью пропиталась.

О, как нам дорог ваш расцвет,
Как вами родина гордится!
Грядущих лет мы видим свет,
Когда глядим на ваши лица!

Цветите каждый день и час,
Мы вас приветствуем сердечно.
Свободу гордую для вас
Завоевали мы навечно.

Ноябрь 1943

ВОЛКИ

Люди кровь проливают в бою.
Сколько тысяч за сутки умрет!
Чуя запах добычи вблизи,
Рыщут волки всю ночь напролет.

Разгораются волчьи глаза:
Сколько мяса — людей и коней!
Вот одной перестрелки цена.
Вот ночной урожай батарей.

Волчьей стаи вожак матерой,
Предвкушением пира хмелен,
Так и замер:
его пригвоздил
Чуть не рядом раздавшийся стон.

Головою к березе припав,
Бредил раненый, болью томим,
И береза качалась над ним,
Словно мать убивалась над ним.

Все от жалости плачет вокруг,
И со всех стебельков и листков
Не роса оседает в траве,
А невинные слезы цветов. . .

Старый волк постоял над бойцом,
Осмотрел и обнюхал его,
Для чего-то в глаза заглянул
И не сделал ему ничего.

Может, горьким дыханьем людским
Шибануло клыкастому в нос,
Только, вовсе не тронув бойца,
Зверь когтистые лапы унес.

На рассвете фашисты пришли —
Видят: раненый дышит чуть-чуть,
А надежда-то все-таки есть
Эту искорку жизни раздуть.

Они в тело загнали сперва
Раскаленные шомпола,
А потом на березе, в петле,
Эта слабая жизнь замерла. . .

Люди кровь проливают в бою —
Сколько тысяч за сутки умрет!
Чуя запах добычи вблизи,
Рыщут волки всю ночь напролет.

Волки? . . . Что ж, между прочих пород
Уж не столь кровожаден их род.

Март 1943

СОН РЕБЕНКА

Утопая в пуху,
Он в кроватке лежит.
Глаз нельзя отвести —
Очень сладко он спит.
Повернется во сне,
Полной грудью вздохнет.
Словно розовый цвет,
Нежный бархатный рот.
Сон на яблочках щек,
На фиалках ресниц,
Сон на влажных кудрях.
Спи, родной, не проснись!

Ишь, нахмурил во сне
Шелковинки бровей.
Одеяльце во сне
Сбросил ножкой своей.
Обнял куклу свою.
Мой нарцисс, мой анис,
Баю, баю, баю.
Спи, родной, не проснись!

Смолкло все. Тишина.
Можно только шептать,
Говоря меж собой,
Чтоб ему не мешать.
Чу, ступайте легко —
Пусть ничто не скрипит.
Не будите его —
Пусть он досыта спит.

Трех назойливых мух
Шалью выгнали вон,
Лишь бы сладко он спал,
Лишь бы выспался он.
Все притихло над ним,
Мать склонилась над ним —
Даже сон бережет
Нежным сердцем своим.

11 декабря 1943

КАМЕННЫЙ МЕШОК

Цепи каменного мешка
Пусть твоя разорвет рука!
Не уйдешь ты, так смерть предстанет —
Ведь она здесь всегда близка!

Положили тебя в мешок,
Рот заткнули под злой смешок. . .
Ставят в очередь твое тело,
Чтоб смолоть его в порошок.

Мелет мельница жизни людей —
Громоздятся мешки костей.
Жернова ее из железа,
С каждым днем они все лютей.

Мельник злится, от крови пьян:
Не мука — кровь течет из ран.
Жадно пьет ее клоп проклятый —
Бесноватый, слепой тиран. . .

Чтоб на этой мельнице зла
Кровь священная не текла,
Чтоб не бил в ее крылья ветер,
Чтоб молоть она не могла, —

Эту мельницу нужно сжечь!
И мешки, где ни стать, ни лечь!
Пусть пронзит поскорей тирана
Справедливости нашей меч!

ТЮРЕМНЫЙ СТРАЖ

(ЯМАШ—1911) ¹

Он ходит, сторожа мою тюрьму.
Две буквы «Э» ² блестят на рукавах.
Мне в сердце словно забивает гвоздь
Его тяжелый равномерный шаг.

Под этим взглядом стихло все вокруг —
Зрачки не упускают ничего.
Земля как будто охает под ним,
И солнце отвернулось от него.

Он вечно тут, пугающий урод,
Подручный смерти, варварства наймит,
Охранник рабства ходит у ворот —
Решетки и засовы сторожит.

¹ Х. Ямашев — известный татарский большевик-подпольщик. Упомянув его имя и ставя дату «1911», Джалиль, возможно, маскировал от моабитских тюремщиков истинный смысл стихотворения, направленного против них.

² «ЭЭ» — также в конспиративных целях: вместо «СС».

Предсмертный вздох людской — его еда.
Захочет пить — он кровь и слезы пьет,
Сердца несчастных узников клюет:
Стервятник только этим и живет.

Когда бы знала, сколько человек
Погибло в грязных лапах палача —
Земля не подняла б его вовек,
Лишило б солнце своего луча.

ДОРОГИ

Дороги, дороги, довольно гостил я
От дома родного вдали.
Пора и до дому. Хочу, чтоб дороги
Обратно меня привели.

Так сильно соскучился я по замостью,
По нашим лесам и полям.
Сказать не могу, до чего стосковался
По черным девичьим бровям.

Когда мы простились, шел дождь. И печально
Вослед мне смотрели глаза,
И что-то блестело на милых ресницах —
Не знаю, вода иль слеза? . .

Ох, тяжело, друзья, уезжать на чужбину
И сердце делить пополам.
Еще хорошо, что любовь и терпенье
Извечно соседствуют там.

Дороги, дороги! Вы все беспощадны,
И нет вам, дороги, конца.
Ответьте, дороги: впервые чьи ноги,
Чьи вас проложили сердца?

Кто, так же как я, окрыленный надеждой,
Над вами парил, а затем
Был вами, дороги, от дома отторгнут,
Как я, неизвестно зачем?

Нам молодость властно диктует: — Ищите! —
И носят нас бури страстей.
Не ноги людей проложили дороги,
А чувства и страсти людей.

Так пусть нас заносит далеко-далеко
Возникшая смолоду страсть, —
По этим дорогам, влекомые сердцем,
Должны мы в отчизну попасть!

Дороги, дороги! Я долго томился
От родины милой вдали.
Хочу, чтобы новые чувства и силы
К любимой меня привели!

Октябрь 1943

ДУБ

При дороге одиноко
Дуб растет тысячетный,
На траве зеленой стоя,
До земли склоняя ветви.

Легкий ветер на рассвете
Между листьев пробегает,
Будто время молодое
Старику напоминает.

И поет он о минувшем,
Про безвестного кого-то,
Кто вскопал впервые землю,
Проливая капли пота.

Кто зажег в нем искру жизни?
Кто такой? Откуда родом?
Государь ли то великий,
Или был он садоводом?

Кем он был — не в этом дело:
Пот его в земле — от века,
Труд его — в стволе могучем:
Дуб живет за человека!

Это небо, полдень знойный
Видел предок мой далекий.
Памятник ему достойный —
Этот старый дуб высокий.

Сколько здесь прошло народу —
Проходившим сче́та не́ту!
Каждый слышал песню дуба,
Каждый знает песню эту.

Путник прячется в ненастье
Под навес зеленолистый;
В зной работников усталых
Дуб зовет во мрак тенистый;

И недаром лунной ночью
Он влечет к себе влюбленных,
Под шатром соединяя
Тайной страстью опаленных;

Заблудившимся в буране
Путь укажет самый краткий;
Тех, кто жнет, горячим летом
Напоит прохладой сладкой. . .

Стоит жить, чтоб в землю врезать
След поглубже, позаметней,
Чтоб твое осталось дело,
Словно дуб тысячетный.

10 декабря 1943

ВОЛШЕБНЫЙ КЛУБОК

Как волшебный клубок из сказки,
Катился мой жизненный путь.
На закате у этого дома
Остановился я отдохнуть.
Как царь дивов из сказки,
Вышел хозяин навстречу мне:
Мертвый орел вместо шапки,
Висит топор на ремне.
Железные двери, как в сказке,
В железе дыра, и в нее
Смотрит див ежедневно —
Добро проверяет свое.
На ста кострах ежедневно
Жарят шашлык из людей...
И сюда меня черная доля
Завела из отчизны моей!
О сказки моей бабушки!
Тягаться с этим — не вам:
Как рассказать о страшном?
К каким обращаюсь словам?

Здесь всюду силки и капканы,
Чтоб ты убежать не мог,
Тень смерти на всех переулках,
На каждой двери — замок.
У дива такой порядок:
Умному — голову с плеч,
Старух матерей и младенцев —
В стальной каземат и сжечь...
А чернобровым джигитам,
А девушкам, подобным хурме,
Без воли, без пищи зачихнуть
На тяжелой работе в тюрьме...

Слышать, как плачет юность?
Цвет увяданья на ней
Страшной сказки страшнее,
Тяжкого сна тяжелей.
Тут скоро погибну и я;
Но песню мою повторят для вас
Цветы, и сосны, и яблони, —
Все, что я видел в пути не раз...

Как волшебный клубок из сказки,
Песни — на всем моем пути;
Идите по следу до самой последней,
Коль захотите меня найти!

12 декабря 1943

В СТРАНЕ АЛМАН

И это страна великого Маркса?
Это бурного Шиллера дом?
Это сюда меня под конвоем
Пригнал фашист и назвал рабом!
И стенам не вздрогнуть от «рот фронта»?
И стягу спартаковцев не зардеть?
Ты ударил меня, германский парень,
И еще раз ударил... За что? Ответь!..
Тому, кто любил вольнодумца Гейне
И смелой мысли его полет,
В последнем жилище Карла и Розы
Пытка зубы не разожмет.
Тому, кто был очарован Гёте,
Ответь: таким ли тебя я знал?
Почему прибор симфоний Бетховена
Не сотрясает мрамора зал?
Здесь черная пыль заслоняет солнце,
И я узнал подземную дверь,
Замки подвала, шаги охраны...
Здесь Тельман томился.

Здесь я теперь...

Неужто и мне, как Розе и Карлу,
Смерть суждена от своры борзых?
И меня поведут, и меня задавят,
И сбросят с моста, как сбросили их?!
Кто Цеткиной внук?
Кто Тельмана друг?
Есть среди вас такие, эй?
Услышьте голос стальной воли —
Откройте наши тюрьмы скорей!
С песней придите.

Придите так же,
Как в девятнадцатом шли году:
С кличем «рот фронт»,

колоннами,

маршем,

Правый кулак подняв на ходу!
Солнцем Германию осветите!
Солнцу откройте в Германию путь!
Тельман пусть говорит с трибуны!
Маркса и Гейне отчизне вернуть!
Кто Цеткиной внук?
Кто Тельмана друг?
Есть среди вас такие, эй?
Услышьте голос великой правды!
Наши тюрьмы откройте скорей!

Декабрь 1943

ЛЮБИМОЙ

Быть может, годы будут без письма,
Без вести обо мне.
Мои дороги зарастут травой,
Затянутся землей.

Быть может, в сны твои печальный
В одежде черной вдруг войду.
И смоет времени бесстрастный вал
Прощальный день, когда тебя я целовал.

Так бремя ожидания велико,
Так изнурит тебя оно,
Так убедит тебя, что «нет его», —
Как будто это было суждено.

Уйдет твоя любовь.

А у меня,
Быть может, нету ничего сильнее!
Придется мне в один неожиданный день
Уйти совсем из памяти твоей,

И лишь тогда, вот в этот самый мир,
Когда придется от тебя уйти, —
Быть может, смерть тогда и победит,
Лишит меня обратного пути.

Я был силен, покуда ты ждала —
Смерть не брала меня в бою.
Твоей любви волшебный талисман
Хранил в походах голову мою.

Солдатский путь извилист и далек.
Любимая! Люби и жди меня.
Я возвращусь: твоя любовь — залог
Спасенья от воды и от огня.

Сентябрь 1943

СОН В ТЮРЬМЕ

Дочурка мне привиделась во сне.
Пришла, пригладила мне чуб ручонкой.
— Ой, долго ты ходил! — сказала мне,
И прямо в душу глянул взор ребенка.

От радости кружилась голова,
Я крошку обнимал, и сердце пело.
И думал я: так вот ты какова,
Любовь, тоска, достигшая предела!

Потом мы с ней цветочные моря
Переплывали, по лугам блуждая;
Светло и вольно разлилась заря,
И сладость жизни вновь познал тогда я...

Проснулся я... Как прежде, я в тюрьме,
И камера угрюмая все та же,
И те же кандалы, и в полутьме
Все то же горе ждет, стоит на страже.

Зачем я жизнью сны свои зову?
Зачем так мир уродует темница,
Что боль и горе мучат наяву,
А радость только снится?

Сентябрь 1943

О С У Ж Д Е Н Н Ы Й

Приговор сегодня объявили:
К смертной казни он приговорен.
Только слезы, что в груди кипели,
Все иссякли... И не плачет он.

Тихо в камере... С ночного неба
Полная луна глядит, грустя.
А бедняга думает, что будет
Сиротой расти его дитя.

Сентябрь 1943

КЛОП

Ох, тюрьма скучна да мышей полна,
Да постель узка, вся в клопах доска.
Я клопов давлю, бью по одному,
И опять ловлю — довела тоска.

Всех бы извести, растаскать тюрьму:
Стены разнести, все перетрясти,
Чтоб хозяина отыскать в дому —
Как клопа словить да и раздавить...

О ГЕРОИЗМЕ

Знаю: в песне есть твоей, джигит,
Пламя и любовь к родной стране.
Но боец не песней знаменит:
Что, скажи, ты сделал на войне?

Встал ли ты за родину свою
В час, когда пылал великий бой?
Смелых узнают всегда в бою,
В горе проверяется герой.

Бой отваги требует, джигит,
В бой с надеждою идет, кто храбр.
С мужеством свобода, что гранит.
Кто не знает мужества — тот раб.

Не спасись мольбою, если враг
Нас возьмет в железный плен оков.
Но не быть оковам на руках,
Саблей поражающих врагов.

Если жизнь проходит без следа,
В низости, в неволе, что за честь?
Лишь в свободе жизни красота!
Лишь в отважном сердце вечность есть!

Если кровь твоя за родину лилась,
Ты в народе не умрешь, джигит.
Кровь предателя струится в грязь,
Кровь отважного в сердцах горит.

Умирая, не умрет герой —
Мужество останется в веках.
Имя прославляй свое борьбой,
Чтоб оно не молкло на устах.

Декабрь 1943

ЛИШЬ БЫЛА БЫ ВОЛЮШКА

1

Если б ласточкой я был,
Если б крыльями я бил,
В час, как солнышко зайдет
И Чулпан-звезда взойдет,
Дом родной, страна моя,
Прилетел к тебе бы я,
Только свет заря прольет.

2

Был бы рыбкой золотой —
В час, когда волной крутой
Белая кипит река,
Затопляя берега,
Тонкобедрая моя,
Верь, приплыл к тебе бы я,
Лишь туман падет в луга.

3

Был бы быстрым я конем —
В час, когда живым огнем
 На траве роса блеснет,
 Ветер гриву разовьет,
Дочь моя, звезда моя,
Прибежал к тебе бы я,
 Лишь цветами ночь дохнет.

4

Нет, лишь воля мне мила.
Лишь бы воля мне была —
 Я бы саблю в руки взял,
 Карабин свой верный взял,
Край любимый мой, тебя
Защитил бы я, любя,
 В славной битве храбро пал!

СИЛА ДЖИГИТА

Всем сердцем соколиным, всей душой
Дав клятву верности народу,
Он на плечо повесил автомат,
Сел на коня, готов к походу. . .

И там, где он прошел, был враг смят —
Валились пушки, танки тлели.
Откуда эта сила и огонь
В его как будто слабом теле?

Как знамя, верность родине подняв,
Джигит прошел огонь и воду —
Не автоматом, не конем силен,
А клятвою своей народу.

19 ноября 1943

ДРУГУ

(А. А. ¹)

Друг, не горюй, что рано мы уходим.
Кто жизнь свою, скажи, купил навек?
Ведь годы ограничены той жизнью,
Которую избрал сам человек.

Не время меж рождением и смертью
Одно определяет жизни срок.
Быть может, наша кровь, что здесь прольется,
Прекрасного бессмертия исток!

Дал клятву я: жизнь посвятить народу,
Стране своей — отчизне всех отчизн.
Для этого — хотя б ты жил столетья —
Не отдал бы ты разве свою жизнь?

Как долгой ночью солнечного света,
Так жду я здесь из родины вестей.

¹ Стихотворение обращено к татарскому детскому писателю Абдулле Алишу, вместе с которым Муса Джалиль всевал. Абдулла Алиш тоже был в плену и расстрелян фашистами.

Какая сила — даже на чужбине
Дыханье слышать родины своей!

Чем, шкуру сохранив, забыть о чести —
О, пусть я лучше стану мертвецом!
Ведь это же не жизнь, когда отчизна,
Как Каину, плюет тебе в лицо.

Нет, «невредимости» такой не надо!
Пусть гибель — сердцу нет обиды тут.
Не стану чужаком в краю родимом,
Где даже мне воды не подадут.

Мой друг, ведь наша жизнь — одна лишь искра
Всей жизни родины — страны побед.
Пусть мы погаснем — от бесстрашной смерти,
Отчизны нашей ярче станет свет.

И этой смертью подтвердим мы верность,
О смелости узнает вся страна.
Не этими ли чувствами большими,
О друг мой, наша молодость сильна?

И если молодости ствол подрубят,
В народе корни не исчезнут ввек!
И скажут юные: — Вот так отважно
Смерть должен встретить каждый человек!

Октябрь 1943

К СМЕРТИ

Из твоих когтистых, цепких лап
Сколько раз спасался я!.. Бывало —
Чуть скажу: «Все кончено... я слаб!» —
Жизнь мне тотчас руку подавала.

Нет, отказываться никогда
Я не думал от борьбы с тобою:
Побежденным смертью — нет стыда,
Стыдно тем, кто сдался ей без боя!

Ты ворчала: — Ну, теперь держись,
Хватит мне играть с тобой, строптивец! —
Я же все упрямее за жизнь
Драться продолжал, тебе противясь.

Знаю, знаю, смерть, с тобой игра
Вовсе не веселая забава.
Только не пришла еще пора
На земной покой иметь нам право!

Иль мне жизнь прищлась не по плечу,
Иль так сладок смертный риск бунтарства?
Нет, не умирать — я жить хочу,
Жить сквозь боль, тревоги и мытарства!

Стать бы в стороне от бурь и гроз —
Можно тихо жить, не зная горя.
Я — шагал сквозь грозы, в бурях рос,
В них с тобой за жизнь, за счастье споря. . .

Но теперь, надежда, не маячь —
Не помогут прошлые уроки,
В кандалы уж заковал палач
Руки, пишущие эти строки.

Скоро, скоро, — может быть, к утру
Смерть навек уймет мою строптивость.
Я умру — за наш народ умру,
За святую правду, справедливость!

Иль не ради них я столько раз
Был уже тобой, костлявой, мечен?
Словно сам я — что ни день и час —
Роковой искал с тобою встречи.

Путь великой правды труден, крут,
Но борца на путь иной не тянет.
Иль с победой встретится он тут,
Или смерть в попутчицы нагрянет.

Скоро, как звезда, угасну я. . .
Силы жизни я совсем теряю. . .
За тебя, о родина моя,
За большую правду умираю!

ПЕРЕД СУДОМ

ЧЕРЧЕТСКИЙ ХАН:

(Из трагедии «Кылыч-хан»)

Суд наступил. Нас вывели толпою
И на площадке выстроили нас.
Тут солнце, словно видеть не желая
Позора этого, вдруг скрылось с глаз.

Трава была вся мокрой от росинок,
А может быть, от горьких слез земли.
Озера, лес и горы — все от страха
В ночном тумане спрятались вдали.

Как холодно!
Лишь чувствовали ноги
Земной груди знакомое тепло.
Земля, как мать, согреть меня хотела —
Ее дыханье прямо в сердце шло.

¹ Черчет — условное название местности. Муса Джалиль под черчетскими правителями подразумевает фашистских судей.

Не плачь, земля! Мое не дрогнет сердце,
Пока я на тебе. Пусть тяжек гнет,
Язык, что называл отчизну с детства,
Ее и умирая назовет.

Правители Черчета — вот мы видим
Их красноглазых, мокроносых их.
Но не они, а мы здесь обвиняем
Сатрапов этих яростных, тупых!

Когда палач топор свой медный точит,
Уж чует он, как пес голодный, кровь.
Последним словом будет наше слово —
Наш приговор. И будет он суров.

Наступит день. Сверкнет меч правосудья.
Собак черчетских сгинет злая тень.
Моя написанная кровью песня,
Будь актом обвинительным в тот день!

1943

ПОСЛЕДНИЙ СТИХ

Сияет прелесть мира,
Ликует вдалеке. . .
В тюрьме темно и сыро
И двери на замке.

Летит птенец, теряясь
В веселых облаках;
Я на полу валяюсь
В тяжелых кандалах.

Цветок растет на воле,
Обрызганный росой,
А я увял от боли,
Задушенный тюрьмой.

Я в жизнь влюблен, я знаю
Кипенье чувств живых,
И вот — я умираю,
Мой стих — последний стих.

Август 1943

НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Андре Тиммермансу

Здесь нет вина. Так пусть напитком
Нам служит наших слез вино.
Нальем! У нас его с избытком.
Сердца насквозь прожжет оно,
Омоет их целебной солью,
И боль сердечных ран пройдет.
Нальем! Так пусть же с этой болью
Уходит сорок третий год.

Навеки землю покидая,
Уходишь, борода седая?
Ты крепко запер нас в подвал.
Прощай! На счастье уповая,
Я поднимаю мой бокал.
Довольно жизням обрываться!
Довольно крови утекло!
Пусть наши муки прекратятся!
Пусть станет на душе светло!
Да прогремит в грядущем Новом
Свободы светлая гроза!
Да снимет с наших рук оковы,
Осушит скорбные глаза!

Да обогреет нас лучами,
Остатки кашля унесет
И в час победы пусть с друзьями
Соединит нас Новый год!..
Пусть будут жаркие объятия
И слезы счастья на очах,
Пуускай в честь нас печет олады
В родном доме родной очаг.
Да встретятся жена и дети
С любимым мужем и отцом!
И чтобы в радостной беседе,
Стихи читая о победе
И запивая их вином,
Истекший год мы провожали
И наступающий встречали
За пышным праздничным столом...

1 января 1944

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Поэт-герой. <i>Энвер Давыдов</i>	3
Мои песни. <i>Перевел С. Липкин</i>	11
Лес. <i>Перевела Тамара Ян</i>	13
Расставанье. <i>Перевел А. Шпирт</i>	15
Горная река. <i>Перевел А. Шпирт</i>	17
Воля. <i>Перевел И. Френкель</i>	20
Прости, родина. <i>Перевел И. Френкель</i>	22
Соловей и родник. <i>Перевел И. Френкель</i>	26
Песня девушки. <i>Перевел М. Лисянский</i>	33
Красная ромашка. <i>Перевел И. Френкель</i>	34
Пташка. <i>Перевел Рауф Галимов</i>	36
Наболевшие мысли. <i>Перевел И. Френкель</i>	39
Раб. <i>Перевел И. Френкель</i>	41
Счастье. <i>Перевел С. Липкин</i>	43
Праздник матери. <i>Перевел С. Липкин</i>	44
Последняя обида. <i>Перевел И. Френкель</i>	49
Рубашка. <i>Перевел И. Френкель</i>	51
Снежная девушка. <i>Перевел Р. Моран</i>	55
К Двине. <i>Перевел И. Френкель</i>	58
Без ноги. <i>Перевел И. Френкель</i>	60
Душа порой бывает очень твердой... <i>Перевел</i> <i>А. Шпирт</i>	62
Палач. <i>Перевел Р. Галимов</i>	63
Мой подарок. <i>Перевел Р. Галимов</i>	64
Один совет. <i>Перевел И. Френкель</i>	66

Мечта. Перевел А. Шпирт	68
После войны. Перевел И. Френкель	70
Не верь! Перевел И. Френкель	72
Цветы. Перевел С. Липкин	74
Волки. Перевел И. Френкель	77
Сон ребенка. Перевел И. Френкель	79
Каменный мешок. Перевел А. Шпирт	81
Тюремный страж. Перевел И. Френкель	83
Дороги. Перевел И. Френкель	85
Дуб. Перевел И. Френкель	87
Волшебный клубок. Перевел И. Френкель	90
В стране Алман. Перевел И. Френкель	92
Любимой. Перевел И. Френкель	94
Сон в тюрьме. Перевел Р. Моран	96
Осужденный. Перевела Тамара Ян	98
Клоп. Перевел И. Френкель	99
О героизме. Перевел А. Шпирт	100
Лишь была бы волюшка. Перевела Тамара Ян	102
Сила джигита. Перевел А. Шпирт	104
Другу. Перевел А. Шпирт	105
К смерти. Перевел Л. Пеньковский	107
Перед судом. Перевел А. Шпирт	109
Последний стих. Перевел С. Липкин	111
Новогодние пожелания. Перевел И. Френкель	112

МУСА ДЖАЛИЛЬ — ИЗ МОАБИТСКОЙ
ТЕТРАДИ

Редактор А. Чеснокова

Художник И. Литвишко
Худож. редактор И. Царевич
Техн. редактор В. Комм
Корректор М. Бархударян

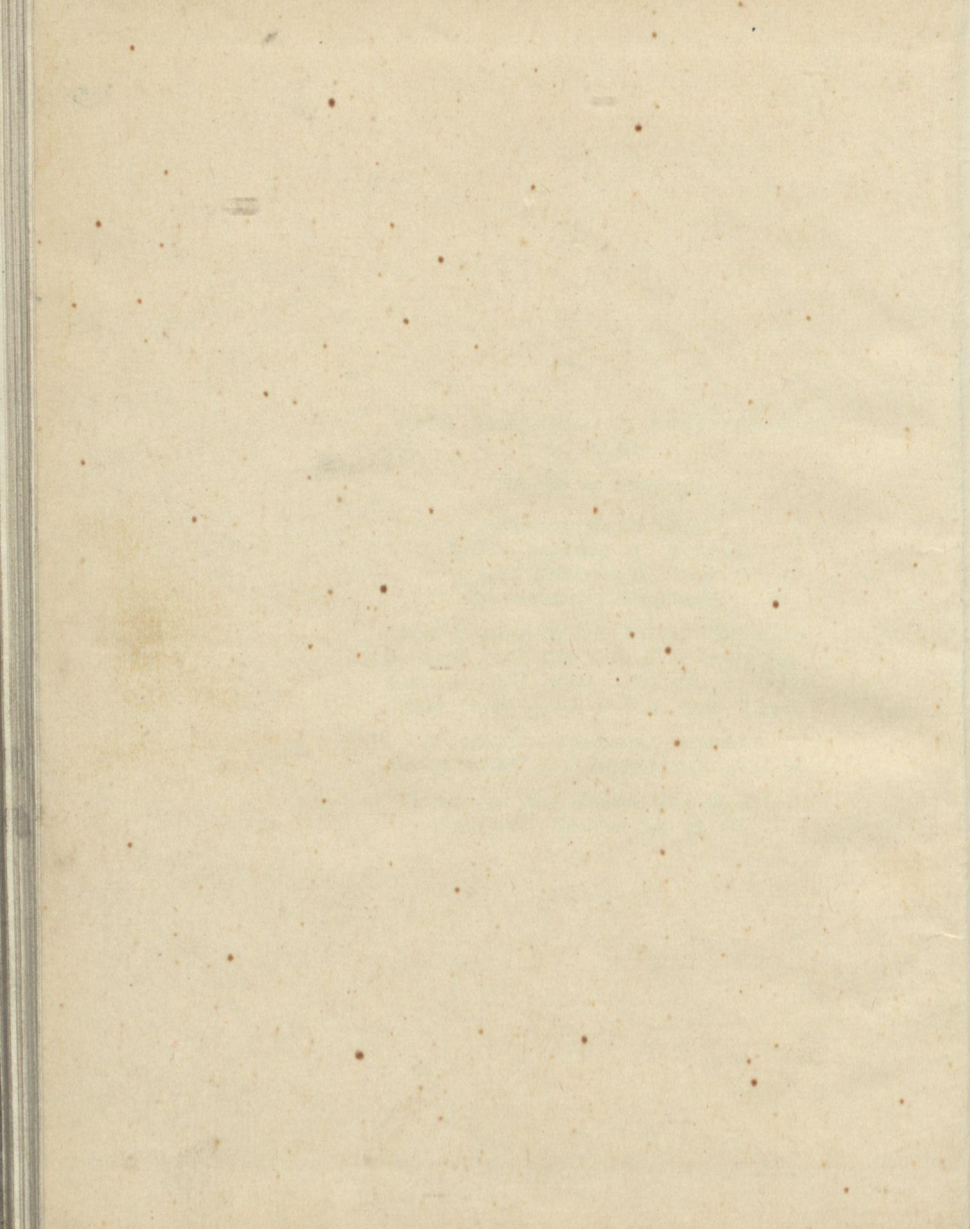
Сдано в набор 30/VIII 1954 г. Подписано
в печать 3/XII 1954 г. А 08213. 70×108/32.
Печ. л. 3,625 (5,03). Уч.-изд. л. 2,97.
Тираж 10 000. Заказ № 1065. Цена 2 руб.

Издательство «Советский писатель»
Москва, К-104, Б. Гнездниковский пер., д. 10

Типография № 3 Ленгорполиграфиздата
Ленинград, Красная ул., д. 1/3.

✓

